

О. Е. Рымкевич
Минск, Беларусь

СЕМАНТИКА МОДАЛЬНОГО СМЫСЛОВОГО КОМПОНЕНТА В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Модальный компонент является неотъемлемой частью смысловой структуры публицистического текста. Модальный аспект исследуемого типа текста носит, как правило, комплексный характер. Он складывается из целого ряда модально-семантических оттенков, вариативно воплощаемых в тексте. Подобная вариативность наилучшим образом способствует созданию многомерных модальных когезий, структурирующих текстовое пространство и способствующих эффективной реализации авторской интенции.

К л ю ч е в ы е с л о в а: публицистический текст; модальность; модально-семантические оттенки; вариативность; модальные когезии; авторская интенция.

O. E. Rymkevich
Minsk, Republic of Belarus

SEMANTICS OF MODAL COMPONENT OF THE PUBLICISTIC TEXT IN MODERN GERMAN

The article is devoted to the research of the modal component as the essential in publicistic discourse textuality. The modal aspect of the publicistic text is generally a complex. It consists of a number of modal-semantic connotations variably presented in a text. Such variability contributes best to the creation of multivariate modal cohesions which structure the textual locality and contribute to the effective realisation of the authorial intent.

К e y w o r d s: publicistic discourse; modality; modal-semantic connotation; variability; modal cohesion; authorial intent.

Модальный смысловой компонент, представляя собой неотъемлемую характеристику текстов газетной публицистики, активно участвует как в про-

цессах формирования текстовой семантики, так и в создании прагматического аспекта. Будучи по своей природе коммуникативно-прагматической категорией, модальность оказывает воздействие на адресата, модифицируя, сообразно авторским интенциям, пропозициональное ядро информационного содержания текста. Модальность формирует таким образом «семантику текста» и «играет не меньшую роль в текстообразовании, чем <...> средства связи между предложениями, так как текст строится по законам текстовой модальности», образующей его «семантическую основу» [1, с. 20]. В текстовом пространстве публицистики модальность проявляет себя, как правило, семантически и функционально вариативно, обеспечивая в своей комплексной реализации не только многоаспектность и динамизм всего изложения, но и придавая высказываниям особую иллокутивную силу.

В данной статье *модальность* понимается как отношение высказывания к действительности с точки зрения реальности / нереальности пропозиционального содержания (так называемая объективная модальность) и как отношение отправителя информации к высказыванию с точки зрения оценивания степени его достоверности, точнее, достоверности связей, отраженных в высказывании (так называемая субъективная модальность в ее узкой трактовке). В таком представлении субъективная модальность включает в себя многообразные оттенки отношения, от уверенности до предположения и сомнения, и выступает в контекстах реализации в роли модификатора предикативных связей. Таким образом, субъективная (эпистемическая) модальность эксплицирует различную степень достоверности высказываемой мысли, от проблематической до категорической, сигнифицируя внутреннее мировосприятие отправителя информации.

Многочисленные оттенки модальных отношений выражаются в текстах специально предназначенными языковыми средствами – лексическими и грамматическими, такими как модальные глаголы, модальные слова, модальные частицы, конъюнктив II для придания высказываниям вежливой тональности или обозначения иного, альтернативного варианта развертывания событий, конъюнктив I для передачи косвенной речи с возможностью представления дистанцированной оценочной позиции автора по отношению к содержанию и др. Следует заметить, что лексические средства выражения модальности в немецком языке представляют собой достаточно узкий фрагмент парадигматики языка с нечеткими семантическими границами и статусом. К ним относятся, среди прочих, модальные слова, выражающие различные смысловые оттенки субъективно-рационального отношения говорящего к содержанию высказывания. Семантика модальных слов отличается, с одной стороны, неопределенностью и открытостью, вариативностью и функциональной многозначностью, зависимостью от контекста. С другой стороны, модальные лексемы обладают уникальным свойством актуализировать дискурсивные отношения и модифицировать в заданном ключе смысловое пространство дискурса, принимая активное участие в структурировании

модальных когезий. Перечисленные характеристики определяют их в статусе дискурсивных слов, весьма существенных для построения когерентного дискурса. Иллокутивная семантика модальных слов, заключая в себе определенный прагматический потенциал, позволяет им выступать в качестве операторов перемещения знания, формировать мнения, убеждения, позицию и настрой адресата.

В контекстах реализации разноуровневые модальные средства вступают во взаимодействие друг с другом, формируя, соответственно, модальный аспект текста, в значительной степени определяющий как его семантику, так и прагматику, при том, что воздействующий эффект еще более усиливается за счет взаимодействия модальности с оценочностью в самом широком ее проявлении. Результатом подобного комплексного участия становятся модальные когезии, пронизывающие текстовый континуум и дифференцированно представляющие позицию автора, всякий раз по-иному ее высвечивая и тем самым прагматически подчеркивая. С помощью модальных когезий, сориентированных, как правило, на некоторую коммуникативно-смысловую доминанту, осуществляется интеграция текстового континуума в единое целое, а значит, и достижение текстовой когерентности.

Когезионные свойства модальности заданы коммуникативно-прагматическим содержанием самой категории, ее текстообразующей природой, в силу чего она, выражая запланированные интенции отправителя информации, непосредственным образом включается в контекстах реализации в механизм референции. Это следует понимать так, что модально-оценочные языковые маркеры, фокусируя внимание адресата на тех или иных участках информационного содержания либо переключая его внимание на другие, предоставляют адресату возможность расшифровки и последующей интерпретации смыслового потенциала ключевых в той или иной ситуации объективных связей и отношений. Тем самым правомерно утверждать, что прагматика модального (в особенности субъективно-модального) смыслового компонента в значительной степени сопряжена с реализацией авторских интенций оказания влияния на адресата.

В частности, модальные слова, появляясь позиционно в различных частях предложения и текста, способны модифицировать не только эту часть, но и все высказывание либо весь текстовый фрагмент, придавая ему определенный оттенок субъективной оценки. Это возможно благодаря особенностям семантики модальных слов, а именно ее динамичности, открытости относительно контекста, некоторой неопределенности и, как следствие, высокой контекстной чувствительности. Так, например, модальному слову *wohl* присущ ряд семантических оттенков, реализуемых в зависимости от конкретных условий контекста: сомнение, неуверенность, уверенное предположение, вероятность.

Выступая в качестве субъективного комментария адресанта, модальные слова переводят пропозиции в оценочные высказывания, всякий раз расстав-

ляя при этом прагматически заданные акценты и программируя соответственно декодирование адресатом полученной информации. Тем самым они маркируют процесс интеракции как такое взаимодействие между адресантом и адресатом, во время которого происходит сверка их эпистемических оценок и мнений, пресуппозиций, соотнесение и противопоставление разных утверждений и, вследствие этого, формирование у адресата определенного отношения к полученной им информации. Модальные слова оказываются непосредственно вовлеченными в создание когерентности дискурса, участвуя в формировании метатекстового вторичного пласта отношений как некоего «каркаса», обеспечивающего структурную организацию текста и его связность. Они служат для активации той или иной модальной схемы референтной ситуации, содержа в себе «ключ-подсказку» возможного развития последней. Например:

Sicher, Europa zu „erleben“ scheint zunächst eine schier entmutigende Aufgabe. Schließlich ist es gerade die Vielfalt, die Europa einzigartig macht [2] ‘**Несомненно**, «познакомиться» с Европой кажется поначалу просто обескураживающей задачей’ (перевод наш. – P. O.).

Модальное слово *sicher* с семантикой высокой степени уверенности адресанта в справедливости собственной оценки, появляясь в начальной позиции текстового фрагмента, с одной стороны, иррадирует свою семантику на посттекст, а с другой стороны, перебрасывает логический «мостик» к предыдущему контексту, подводя итог сказанному ранее и сплачивая его воедино. Начальная позиция в целом предопределяет характер восприятия адресатом степени достоверности текстового фрагмента, а нередко и последующих, в том числе дистантно расположенных. В текстах публицистики модальное слово *sicher* в препозитивном употреблении нередко предполагает уступительно-противительное логическое развертывание ситуации: адресат получает возможность прогнозировать дальнейший ход мысли отправителя информации, причем его прагматическое ожидание «нагнетается» по мере увеличения дистанции между модальным словом и противительным элементом. Так, вышеприведенный отрывок дистантно «подхватывается» в тексте высказыванием с частицей *doch*:

Doch der Adrenalinspiegel, der beim Überqueren einer italienischen Straße in die Höhe schießt, wird schnell von einer Tasse wunderbar cremigen Cappuccinos gesenkt, den du langsam in der Sonne trinkst, <...> ‘**Однако** уровень адреналина, который взлетает вверх при пересечении итальянской улицы, быстро снижается от чашки удивительно пенного капучино, который ты неторопливо пьешь на солнце, <...>’ (перевод наш. – P. O.).

В подобной функции могут выступать и некоторые другие модальные слова с семантикой категорической достоверности, в частности *natürlich* ‘конечно’ и *tatsächlich* ‘действительно’. В семантике данных слов содержатся такие семы, как ‘соответствие законам логики, природы, действительности, реальности’, которые позволяют им устанавливать квалификацию наивыс-

шей степени достоверности, вносить определенность в дискурсивную ситуацию и значительно повышать статус эпистемической объективности информации, беспрепятственно перемещая ее в когнитивную сферу адресата. В таких случаях модальные слова сигнализируют о наличии в ситуации прагматической презумпции истинности вводимой пропозиции и вербально закрепляют факт совпадения у адресанта и адресата прагматических установок речевого общения. Иными словами, они вводят заведомо истинные суждения, а согласие между коммуникантами создает модально-прагматический резонанс на базе актуализированного модально-оценочного стереотипа. Частотным является модальное слово *natürlich*, которое в ряде случаев также может вводить аргументативное суждение с противительным смыслом.

Появление же в тексте лексем с семантикой проблематической достоверности, выражающих различные оттенки неуверенности или сомнения (*vielleicht* ‘может быть, возможно, пожалуй’, *vermutlich* ‘вероятно, предположительно’, *möglicherweise* ‘быть может, пожалуй, возможно’), является для адресата индикатором ограниченности объема знаний коммуникантов и прагматическим сигналом ситуативной неопределенности и неоднозначности, побуждающим к самостоятельному домысливанию и собственной интерпретации событий.

Модальные операторы коррелируют между собой в текстовом пространстве ретроспективно и проспективно, выстраивая вариативную сеть модальных когезий с характерной для нее многомерностью смыслов. Достаточно часто подобного рода когезии формируются путем прямого повтора модальных средств выражения или синонимичного повтора средств со схожей модальной семантикой. В таких случаях происходит интенсификация модального компонента, объективная информация подается в желаемом ракурсе, а в целом достигается убеждающий эффект. Например:

*2010 schreibt Snowden in einem Onlineforum: „Die Gesellschaft hat offenbar blinden Gehorsam gegenüber Spionen entwickelt.“ <...> **Tatsächlich** hätte Snowden von seinem Wissen persönlich profitieren können. <...> **Wahrscheinlich** profitieren die deutschen Dienste von Programmen wie Prism und Tempora, wissentlich oder unwissentlich. <...> **Sicher** ist hingegen, dass die Datensammelei viele Terrorattacken nicht verhindert hat: ... <...> **Es gehört zur Wahrheit** dieses Falles, dass die Öffentlichkeit vieles nicht weiß [3] ‘В 2010 году Сноуден пишет на онлайн-форуме: «Общество, очевидно, выработало слепое повиновение в отношении шпионов» <...> **В самом деле** Сноуден мог получить личную выгоду от своего знания. <...> **По всей вероятности**, выгоду от таких программ, как «Prism» и «Tempora», получают немецкие службы, намеренно или ненамеренно. <...> **Достоверным** же является то, что «собираение» данных не предотвратило множество террористических атак: <...> **Правдой** в данном деле является то, что общественность многого не знает’ (перевод наш. – Р. О.).*

В данном текстовом фрагменте прагматика убеждения, характерная для газетной публицистики, настойчиво доводится до адресата с помощью модальных слов с семантикой высокой степени достоверности (*offenbar, tatsächlich, wahrscheinlich, sicher*) и предикативной конструкции *Es gehört zur Wahrheit*. В отношении субъективной модальности справедливо заметить, что возрастание степени уверенности говорящего в достоверности высказываемого влечет за собой повышение эпистемического статуса и, соответственно, истинности пропозиции.

Субъективно-модальным смыслом в текстовом воплощении в принципе присущ усложненный характер, что делает возможным и варьирование авторских интенций. Многомерность модальных оттенков детерминирует создание особой субъективно-модальной структуры текста с разветвленной когезией. Например:

<...> **Vermutlich** hat sie (die Spionage – P. O.) sich in den Zeiten „elektronischer Kampfmittel“ sogar ausgebreitet. <...> Die Täter waren **offenbar** nicht die immer verdächtigen „Residenten“ an Botschaften oder anderen diplomatischen Vertretungen, <...> Die in langen Ermittlungen gesammelten Erkenntnisse **scheinen** so dicht und gut **belegt zu sein**, dass **keine Zweifel bestehen** [4] ‘<...> **Предположительно** во времена «электронных средств борьбы» он (шпионаж – P. O.) даже распространился. <...> Виновниками были, **очевидно**, не постоянно подозреваемые «резиденты» в посольствах и других дипломатических представительствах, <...>. Добытые за время долгих расследований сведения **кажутся** настолько надежно и хорошо **подтвержденными**, что **нет никаких сомнений**’ (перевод наш. – P. O.).

В данном примере когезия конституируется модальными средствами, выражающими различную степень уверенности адресата в истинности передаваемой информации. Модальное слово *vermutlich* в начальной позиции высказывания включает в себе семантику осторожного предположения, которое иррадируется как проспективно, так и ретроспективно. Далее на смену этой модальности приходит модальность очевидности (модальное слово *offenbar*), которая в контекстном воплощении коррелирует с модальным смыслом высокой степени достоверности, заключенном в модально-оценочной группе *keine Zweifel bestehen*. Изначально заданная автором семантика сомнения тем менее не затухает, находя эксплицитное выражение в эпистемическом предикате *scheinen belegt zu sein*. При всей очевидности фактов проявления шпионской деятельности в некоторых странах автор все же остается не до конца уверенным в своих выводах, давая понять об этом адресату, тем самым интригуя его и оставляя ему когнитивное пространство для собственного домысливания. Реализуемая в данном текстовом фрагменте сеть когезий с включением противоположных субъективно-модальных смыслов сигнализирует о весьма осторожной позиции автора к описываемой ситуации. В целом же насыщенность данного фрагмента субъективной

модальностью позволяет распознать интенцию отправителя информации – особое подчеркивание значимости и вместе с тем неоднозначности интерпретации содержания.

Следует подчеркнуть, что текстовое пространство публицистического дискурса конституируется различными модальными смыслами, участвующими в создании когерентных связей и отношений. Сущность когерентности заключается в том, что как «целостность схемы, существующей в сознании автора или адресата, она отражает связи соответствующего фрагмента действительности» [5, с. 49]. Денотативно-референциальная схема актуализируется в тексте частными моделями смысловых связей, такими как «причина – следствие», «идентичность – противопоставленность», равно как и «уверенность – предположительность», «реальность – потенциальность», «долженствование – возможность» и др. Для декодирования таких моделей адресату предоставляется модальный «ключ», структурной доминантой которого служит реальность как некий инвариант модальности, априори сообщающий адресату о достоверности информации. Другие же, специально вводимые модальные значения прагматически модифицируют доминанту, продуцируя развитие вариативных субъективно-модальных когезий в тексто-образовании дискурса.

Обобщая сказанное, можно заключить, что модальность в качестве перманентного смыслового компонента публицистического текста вариативно проявляет свои свойства в формировании его содержательной и прагматической структуры, по ходу развертывания текста выдвигая на передний план те или иные, значимые, согласно авторской интенции, отрезки информации, при этом способствуя достижению текстовой когерентности и создавая для адресата ориентиры в понимании объективно-логического и субъективно-интенционального содержания текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Солганик, Г. Я. О структуре и важнейших параметрах публицистической речи (языка СМИ) / Г. Я. Солганик // Язык современной публицистики : сб. ст. – 2-е изд., испр. – М. : Флинта : Наука, 2007. – С. 13–30.
2. Internationale Politik. – 2009. – Nr. 6.
3. Die Zeit. – 2013. – 27. Juni.
4. Frankfurter Allgemeine Zeitung. – 2010. – Nr. 148.
5. Карпилович, Т. П. Когерентность дискурса в когнитивном аспекте / Т. П. Карпилович // Вестн. МГЛУ. Сер. 1, Филология. – Минск : МГЛУ, 2004. – № 4 (16). – С. 46–51.

Ольга Евгеньевна Рымкевич
кандидат филологических наук, доцент кафедры теории
и практики немецкого языка
Минского государственного лингвистического университета

Olga J. Rymkevich
PhD, Associate Professor of the Theory and Practice
of the German Language
at Minsk State Linguistic University